

Къ біографіи преосвященнаго Игнатія Брянчанинова.

Въ статьѣ о преосвященномъ Игнатіи Брянчаниновѣ, напечатанной въ № 31 «Церковныхъ Вѣдомостей» за 1903 годъ, помѣщены выдержки изъ «Плача» преосвященнаго Игнатія. Въ этомъ «Плачѣ» святитель-аскетъ вспоминаетъ, между прочимъ, о нравственныхъ страданіяхъ, какія пришлось ему переносить въ должности настоятеля Сергіевой пустыни, но о причинѣ этихъ страданій умалчиваетъ, по незлобію своему.

Изъ хранящейся въ бібліотекѣ названной обители рукописной автобіографіи друга и товарища владыки схимонаха Михаила Чихачева усматривается эта причина: архимандритъ Игнатій, любимецъ императора Николая Павловича, благоговѣнно чтившій монарха, неожиданно подвергся отеческому гнѣву своего августѣйшаго благодѣтеля, вырзившемуся во временномъ запрещеніи ему выѣзжать изъ своего монастыря.

Въ дополненіе къ упомянутой статьѣ о преосвященномъ Игнатіи, позволяемъ себѣ привести не лишнюю интереса выдержку изъ автобіографіи схимонаха

Михайла, повѣствующую объ этомъ печальномъ случаѣ.

«Много было для насъ въ Сергіевой пустыни трудовъ, бѣдъ, болѣзней и искушеній, говоритъ о. Михайль... Самая тяжкая, по своимъ послѣдствіямъ, была та бѣда, которая навлекла отеческій гнѣвъ самого царя и благодѣтеля на товарища моего. Говорю—отеческій, потому что у царя было только одно чистое намѣреніе сохранить его отъ увлеченій и соблазновъ. Но не такъ было понято это другими. И много клеветы, укоровъ, поруганій и осмѣяній потерпѣлъ архимандритъ Ігнатій въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ»...

«Дѣло, которое столько навело болѣзни тяжелой и скорби сердечной архимандриту — это посѣщеніе его со мною вмѣстѣ дома французскаго посланника Баранта. Вотъ какъ оно было:

«Въ Великій постъ пріѣзжаетъ въ монастырь Андрей Николаевичъ Муравьевъ и объявляетъ, что посланникъ Барантъ желаетъ быть въ воскресенье у обѣдни, и потому проситъ архимандрита принять его сколько возможно вѣжливо и показать ему все, что можно. Такъ было и сдѣлано, даже нарочно былъ приготовленъ общій обѣдъ въ трапезѣ, хоть и постный, но такого рода, чтобы могъ кушать его и посланникъ, если останется. Дѣйствительно, пріѣхалъ Барантъ, стоялъ за службою благоговѣнно, зашелъ изъ церкви въ келлію настоятеля, разспрашивалъ о монастырѣ, объ уставѣ монастырскомъ, объ обрядахъ, всѣ отвѣты выслушивалъ внимательно и въ заключеніе сказалъ, что находитъ нашу церковь ближе къ древней церкви, чѣмъ свою. По приглашенію, сѣлъ обѣдать въ трапезѣ вмѣстѣ съ братією, и отобѣдавъ, послѣ обычной молитвы низко поклонился всей братіи, благодарилъ очень настоятеля за радушный пріемъ

и отправился весьма довольнымъ, что слышалъ стройное пѣніе и видѣлъ хорошей русской монастырь; такъ, по крайней мѣрѣ, отзывался о насъ всѣмъ».

«Прошло времени довольно, и уже на другой годъ, въ самый день Крещенія Господня, мы были у него и обѣдали по приглашенію г-жи Барантъ, увидѣвшей насъ въ домѣ Потемкина. За столомъ сидѣли: семейство Баранта, Потемкины—мужъ и жена, насъ двое и готовящійся въ аббаты бывшій учитель тогда у Закревскаго. Разговоръ касался книги, которую г-жа Барантъ хвалила и спрашивала мнѣнія архимандрита, добываясь, чтобы и онъ ее похвалилъ, но, кажется, не добилаь, и всякъ остался при своемъ мнѣніи. Готовившійся въ аббаты началъ—было горячо говорить о разницѣ исповѣданія вѣры, но архимандритъ ему сказалъ, что онъ, архимандритъ, не за тѣмъ сюда призванъ и не можетъ съ нимъ говорить, потому что нашихъ книгъ, о которыхъ у него спрашивалъ архимандритъ, онъ не читалъ. И тотъ замолчалъ, а Баранту архимандритъ прочиталъ, переводя съ русскаго на французскій, отрывокъ изъ жизни затворника Задонскаго. Прослушавъ чтеніе, Барантъ отозвался: «вотъ тутъ видна истинно простота святая, безъ всякой примѣси». Этимъ бесѣда кончилась и мы отправились домой».

«Проходитъ нѣсколько времени и настоятель получаетъ указъ отъ митрополита Серафима, что по Высочайшему повелѣнію ему запрещается выѣздъ изъ монастыря впредь до разрѣшенія государя. Дворъ французскій не былъ тогда въ хорошихъ ладахъ съ дворомъ русскимъ, вотъ отчего государю особенно и не понравилось это знакомство наше съ посломъ».

«Вскорѣ послѣ запрещенія этого митрополитъ спросилъ государя, можно ли архимандриту ѣздить по благочинію

въ монастыри, какъ обыкновенно обязанъ это дѣлать благочинный. И тогда же отвѣтъ былъ государя, что онъ архимандриту не запрещаетъ бывать нигдѣ, когда того требуетъ нужда по должности. Съ тѣхъ же поръ и разрѣшено было ему бывать всюду».

«Но такъ какъ разрѣшеніе это было только на словахъ, а запрещеніе существовало на бумагѣ, то недоброжелатели и непреминули воспользоваться имъ при первомъ удобномъ случаѣ. Много лѣтъ спустя, когда поступилъ на С.-Петербургскую кафедру митрополитъ Антоній вмѣсто преосвященнаго Серафима, владыкѣ показали форменную бумагу о запрещеніи и такъ увѣрили его, что, когда Кавелинъ, бывъ военнымъ губернаторомъ, пригласилъ архимандрита на освященіе домовоѣ церкви служить вмѣстѣ съ владыкою, митрополитъ объявилъ, что Сергіевскій архимандритъ не можетъ быть у него въ домѣ по вышеуказанной причинѣ. Тогда только Кавелинъ все это донесъ и объяснилъ государю, который объявилъ митрополиту въ присутствіи всѣхъ, что онъ, государь, только желая охранить и сберечь архимандрита, поступилъ такъ, а если кто иначе думаетъ, значить его, государя, не понимаетъ, и тутъ же рассказалъ прѣвсѣхъ, какъ давно онъ знаетъ архимандрита Игнатія и любитъ его».

П. Ф. З.
